

Галина Гонкур

Я все
смогу

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Художественное оформление серии
Анастасии Ивановой

Гонкур, Галина.
Г65 Я все смогу / Галина Гонкур. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-101068-3

Благополучная и устроенная жизнь Ольги рушится в одночасье: из любимой жены и ценного специалиста она превращается в брошенную мужем безработную мать-одиночку. Ей придется много пережить и многое преодолеть, чтобы разобраться в мире и в себе. Ведь только поняв себя, можно посылать «запрос в космос» на исполнение желаний...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101068-3

© Гонкур Г., текст, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

На кухне мерно капала вода. В ночной тишине это был очень громкий, нет, мучительно громкий звук, он бил прямо в мозг, дробью по моим оголенным нервам. В раковине стояла большая кастрюля из-под борща, сегодня вымыть ее не было сил, оставила на завтрашнее утро. Вот она-то и стала наковальной для молотов-капель. Бам-бам-бам. Я читала где-то про страшную китайскую казнь: человеку выбривали голову и укладывали выбритым местом под капли воды, падающие на него с высоты, из бамбуковой трубки. Через некоторое время человек умирал мучительной смертью, сойдя предварительно с ума. Помню, читала и не понимала — как можно умереть от капель. Теперь, кажется, понимаю... Хотя я, по-моему, и так сейчас не очень в разуме, так что с бамбуком можно не напрягаться.

От меня ушел муж. Нет, наверное, лучше так: меня бросил муж. Еще точнее: меня бросил муж

ГАЛИНА ГОНКУР

ради другой женщины. Бросил, выкинул и променял — все три действия одновременно. Эта новость совершенно парализовала меня, я лежала на кровати, не чувствуя ни рук, ни ног. Падающие капли могли мучить меня сколь угодно долго — я все равно не находила в себе сил пойти на кухню и перекрыть там кран. Кстати, наверное, даже если и пошла бы — не перекрыла: кран стал подтекать довольно давно, я несколько раз просила Сашу постараться выделить полдня в своем расписании, посмотреть, что там сломалось, поменять прокладки, или что там делают, чтобы не капало. Заодно стоило бы подогнать как следует скрипящие половицы на входе в детскую комнату. Муж мой отговаривался занятостью на работе, я всегда верила. Теперь мне предстоит самой разобраться со всеми этими кранами, полами и другими бытовыми подробностями. Ну, или хотя бы научиться вызывать из домоуправления этого, как его? Слесаря или как его там? Стыдно сказать, но я до сих пор о таких вещах даже не задумывалась, всем занимался муж — это была его область знаний. Муж ушел — «область» стала моей, логично. Ну, или ничьи — и кран будет капать дальше, а полы — скрипеть, мне выбирать — делать с этим что-нибудь или нет. Я теперь совершенно свободна в своем выборе,

Я все смогу

и вообще — совершенно свободна, то есть абсолютно. Я свободен, словно птица в небесах. Только вот порадоваться этому никак не получается...

Что там еще в списке свершившегося со мной? Не побоюсь громкого определения — жизнь, получается, у меня сломана. Только вот ее никакой слесарь из домоуправления не починит. Интересно, а вообще — кто и где чинит жизни? Здоровье чинит врач, внешность — целая толпа специалистов, от косметолога до парикмахера, одежду — портной. А вот если жизнь целиком поломалась — с этим куда?

Эта грандиозная поломка и по нашим детям рикошетом попала, они, правда, еще об этом не знают. Спят себе тихонечко, как обычно: старший, Матвей, сопит с книжкой на тощем пузе, младший, Степан, разметался на соседней кровати, зажав в обоих кулаках по детали от «Лего». Теперь — только мои дети, отвыкать мне пора от этих «наших-ваших».

Потому что я их ему не отдам.

Потому что у детей не может быть отца-предателя.

Потому что завтра же я пойду к адвокату и узнаю, как лишить этого отца-подлеца родительских прав. И мне ничего от него не надо — ни

ГАЛИНА ГОНКУР

денег, ни алиментов, ни участия. Ничего вообще не надо, только чтобы он исчез из нашей жизни навсегда вместе со своим враньем, со своими «как бы командировками», со своей «сложной ночной работой», которая не позволяет заниматься семьей и домашним бытом, зато отлично позволяет заниматься устройством личной жизни.

Так, не раскисать, Оля. Эдак тебя удар какой-нибудь хватанет. Теперь ты не имеешь права рисковать своим здоровьем. Это раньше ты была замужем, в том смысле, что «за мужем». А теперь нету никакого мужа, и тебе не за кем быть. Сама себе опора и защита, и не только себе, но и детям. Они тоже могут спрятаться только за меня. А это значит что? Это, Оля, значит долг и ответственность. А «любовь, покапризничать и на ручки», наша с Сашей любимая игра, когда мы изредка оставались наедине, это теперь не про меня, а про другую женщину. У Саши теперь другая женщина, попробовала я фразу на язык. Не такая как, я, а вовсе другая...

* * *

Наша семейная история была стара как Москва и так же банальна. Фильма по ней точно никто бы не взялся снимать — ничего особенного.

Я все смогу

Я родилась и выросла в Подмосковье. После окончания школы приехала поступать в Москву. Поступила. Влюбилась. Но Саша — москвич «с родословной», и приняли меня в семье, мягко говоря... Ну, в общем, не приняли. А я по молодости лет ничего не замечала — сначала влюблена была как кошка, а потом, вскоре после свадьбы, забеременела нашим старшим, Матвеем.

После свадьбы мы жили сначала в общежитии на юго-западе Москвы, на Ломоносовском проспекте. Там было неплохо, о быте и его обустройстве мы тогда не задумывались: учеба, влюбленность, попытки наладить совместную жизнь... В молодости очень легко все дается, и неудачи как-то не откладываются на душе, а смываются сразу волной нового дня, и каждый день в эти годы кажется просто бесконечным, наполненным яркими событиями, впечатлениями, эмоциями.

Когда я родила Матвея, пришлось на время переехать к Сашиним родителям на Дмитровку в огромную пятикомнатную квартиру — общежития во всем мире и, наверное, во все времена плохо подходят для выращивания маленьких детей, а мама моя жила слишком далеко в Подмосковье, ездить ежедневно на учебу оттуда было бы очень неудобно. Совместное проживание оказалось еще

ГАЛИНА ГОНКУР

тем испытанием для всеобщих нервов: моих, Сашиных и родительских. Уход за орущей малявкой для молодой мамы, у которой это первый ребенок, дело, как известно, непростое. Но все бытовые трудности меркли на фоне того холодного презрения и неприятия, которые излучала вся Сашина родня, бабушка — «столбовая дворянка», дедушка — отставной генерал с аденомой простаты, и мама — ни дня не работавшая домохозяйка. Папа Саши, мелкий чиновник где-то в мэрии, относился ко мне хорошо, но его практически никогда не было дома.

Последней каплей стал случай, когда маленький Матвей заболел и плакал, мучаясь забитым носиком, а я не спала уже четвертые сутки и находилась в состоянии, близком к истерике. В полпервого ночи дверь комнаты распахнулась, и появившаяся на пороге бабушка потребовала «заткнуть ребенка немедленно», потому что он мешает дышать, и «так более продолжаться не может!». Не помню, что я говорила в ответ. Видимо, много лишнего и достаточно громко, потому что на шум прибежали все члены семьи.

На следующий день Саша отвез меня с сыном на съемную квартиру, где было небогато, но спокойно, и где через некоторое время после первен-

Я все смогу

ца Матвея родился Степан, наш «заяц Степашка — мелкая букашка».

Те времена, когда мои пацаны были маленькими, сливаются у меня в памяти в одно общее полотно. Болят ушки, первое слово, младший пошел, старший упал с дерева, две пахнущие чем-то невозможно родным, нагретые летним солнцем, макушки. Празднуем день рождения Степана, мы с мужем показываем ему с помощью пальчиковых кукол спектакль про Колобка — Матвей хохочет невпопад, за ним начинаем хохотать и мы с Сашкой, Степан дуется, а потом тоже начинает смеяться... Спасибо моей маме, она тогда нам сильно помогала с пацанами, так что и на театральные премьеры мы иногда попадали, и на юг вдвоем с мужем на недельку ездили, и «отсыпные выходные» имели. Сашины родители после долгого обиженного молчания, которым они обозначили наш поспешный отъезд, выбрали для себя помощь деньгами, как единственную форму участия в жизни молодой семьи. Постепенно сложился ежемесячный ритуал: раз в месяц Сашка ездил к ним с официальным визитом. Разумеется, один — меня там не ждали, как и внуков («дети у вас слишком плохо воспитаны, шумят и не умеют прилично себя вести за столом, хотя чего от

ГАЛИНА ГОНКУР

них ожидать, при такой-то матери»), и этот день мы с сыновьями обычно с шиком тратили на какие-нибудь развлечения, например, шли на близлежащие пруды или проматывали кучу денег на аттракционах в парке.

Потом умерла Сашина тетка, одинокая женщина, последняя в большой когда-то семье ученых-физиков, частично эмигрировавших, частично умерших. Завещание было оставлено в пользу младшей сестры, Сашиной мамы. Собственно, самым ценным в этом завещании была «трешка» на Водном стадионе, хоть и с окнами на Ленинградку, но зато с высокими потолками и двумя балконами. На семейном совете постановили, что квартира переходит Саше (о, ура, мы наконец-то перестаем скитаться по съемным углам!) в обмен на его отказ от прав на их квартиру, где он был все еще прописан. Вместе с получением этого жилья прекратилась и финансовая помощь нам, а затем и визиты Саши к родителям. Они не настаивали, он не рвался. Постепенно эта часть нашей жизни как-то засохла сама собой и отвалилась. Поначалу еще встречались изредка: дни рождения и канун Нового года, вот и все, не чаще. Потом дед и бабушка умерли один за другим, Сашин отец вышел на пенсию, родители сразу после этого продали

Я все смогу

опустевшую, ставшую неудобной квартиру и на вырученные деньги купили жилье в Болгарии, прямо у моря, куда и переехали, пообещав писать и звонить, но исчезли окончательно и, видимо, навсегда, будто растаяли.

* * *

Спать не хотелось. Я убивала время на кухне, измученная бессонницей, ковырялась в своих мыслях, перебирала воспоминания, когда услышала, как щелкнул замок на детской двери, зашлепали ноги по полу — Степан. Я умела различать сыновей по шагам, по сопению, по ковырянию ключа в замке, когда они возвращались после школы. Степка всегда вставал ночью попить и в туалет, он даже совсем маленьким игнорировал горшок в комнате и требовал похода в общую уборную.

— Мам, а почему ты не спишь?

Смешная пижама в очкастых братцах-кроликах, непокорный вихор на макушке, синюющие глаза в огромных, девчонкам на зависть, пушистых ресницах.

— Заюш, да не спится что-то. Ты чего встал, попить-пописать?

ГАЛИНА ГОНКУР

Маленький мужичок молча сходил в туалет, потом зашел и с совершенно взрослым вздохом взгромоздился на табуретку рядом со мной.

— Я знаю, ты из-за папы расстраиваешься. Вы поссорились, и он ушел. Я все знаю. Я уже большой.

У меня так сильно защипало в носу и в глазах, что мне пришлось срочно налить себе чаю, хотя в животе и так его болталось столько, что я была как «Али Хуссейн — человек-бассейн» из сказки.

— Степаш, ну, в общем, да, поссорились. Как бы тебе объяснить...

— Мам, а папа ведь нас с Матвеем не бросит? У Витьки из моего класса папа тоже ушел из семьи. Сначала приходил к Витьке, на рыбалку брал и даже один раз в Турцию в отпуск. А потом у него новый сын родился, и он ходить к Витьке перестал. Я Матвея спрашивал, он на меня наорал и толкнул немного даже. А сам ночью плакал. Я видел.

Господи, господи, господи... Дай мне сил удержаться, дай сил не проклинать их отца, по крайней мере при сыновьях. Как-то надо не уронить на детей всю эту зашатавшуюся подо мной планету. Перетерпеть, пережить, переплыть, перейти эту беду...

Я все смогу

— Степаш, я смотрю, тебе тоже грустно. Давай как в детстве: я тебя возьму на руки и попоем, а?

Видимо, с настроением сына я угадала: взвизывающийся обычно от таких «детских предложений», Степан нахмурился, подумал немного и полез молча ко мне на руки. Я запела колыбельную медведицы из мультфильма «Умка».

Как обычно, на «бригантине» Степан обмяк у меня в руках и ровно засопел. Донесла его до кровати, разгребла минное поле из лего, подоткнула одеяло. Матвей от нашей возни не проснулся, только вздохнул тяжело и перевернулся на другой бок.

Обычно, укладывая детей, я и сама начинала безудержно хотеть спать, засыпающий на твоих руках ребенок — лучшее средство от бессонницы. Но, видимо, не сегодня.

Посуду, что ли, помыть? Надо, кстати, уже прекратить использовать все эти разномастные чашки — в горошек, в полосочку, одна большая, другая маленькая. Одинаковые чашки, мне кажется, придают кухне особый шарм и неброский шик. Бродить по магазинам и искать новые нет никакого желания. Распакую-ка я сервиз, который мы с Сашей купили на первую его зарплату. Вообще, я его берегла на юбилейную годовщи-